

Страсти по четырём девочкам

Мистерия

(фрагмент)

Песнь третья

Если бы в моём Театре был занавес, на нём бы, как мхатовская чайка, был бы вышит опавший лист. Там на заснеженном сквере лежал дубовый, а теперь нам предстоит найти каштановый – большой, разлапистый, цвета бронзы. Похожий на перо жар-птицы. Опавшие листья – человеческая память! Следы жизни.

Человеческая память напоминает архив после разгрома, где все дни, события, годы жизни свалены в одну кучу. Самые дорогие воспоминания твоей жизни порой пропадают здесь, как в пресловутом спецхране. Но мой Театр имеет доступ в этот спецхран, он бросает вызов забвению и возвращает к жизни то, что особенно дорого людям, дорого всегда.

В моем Театре оживает не только моя жизнь – она и не заслуживает своего театра – я возвращаю к жизни тех, кого уже нет: их жизнь продолжается в моём Театре. Театр приближает их к нам.

Не покидайте мой Театр! Ведь ни один театр в мире не может существовать, если зрительный зал пуст и если у входа никто не спрашивает: «Нет ли лишнего билетика?»

Таня Савичева отступила в тень. Сейчас на сцену выйдет другая девочка – Анна Франк.

Она ещё не появилась из-за кулис, а два моих спутника, Пьеро и Арлекин, уже рядом. Они входят в роль, настраиваются, как оркестр перед спектаклем:

Милые ребятки,

Не играйте в прятки.

Ведь играют в прятки,

Если всё в порядке.

И Арлекин с поклоном продолжает:

Пальцы в перчатке

Играют в прятки.

В раковину устрица

Прячется, как узница.

И не обнаружена

Боль её – жемчужина.

И вот тогда откуда-то донёсся сдавленный, дрожащий голос:

Я в прятки не играю,

Я прячусь от врагов.

Я каждый день стораю

И возрождаюсь вновь.

Место действия – Амстердам! Вращается глобус. Как опавшие листья, шуршат листки календаря. Мы идём вдоль рек и каналов. Вода в них зеленоватая. Маленькие буксирчики, как жуки-плавунцы, снуют взад-вперёд. По мостовой мчатся велосипедисты. Амстердам – город велосипедов. Все – дети, взрослые, старики – жмут на педали, словно общими усилиями заставляют вертеться землю. Узкие дома стоят тесно, как солдаты в строю. Черепичные крыши напоминают чешую красных рыб. Мы ищем убежище Анны Франк. Выясняется, что мои спутники не понимают, какая разница между убежищем и домом.

– Убежище – это берлога в дремучем лесу? – спрашивает Пьеро.

– И в ней живут медведи, – шутит Арлекин и умолкает, поняв, что сейчас шутки неуместны.

– Когда человек скрывается от преследования – любой дом превращается в убежище. Иногда такой дом найти труднее, чем берлогу в лесу, – объясняю я, и мы прибавляем шаг.

– Как же мы найдем это убежище? Где оно?

Эти вопросы повисают в воздухе.

Но время открывает тайны, со временем они утрачивают свой смысл, тайное становится явным. То, что люди чести хранили под страхом смерти, теперь знает множество людей. Спросите любого полицейского голландской столицы, и он укажет вам дом Анны Франк. Убежище снова стало домом, правда, в нём уже нет прежних жильцов...

Мы не просто идём по Амстердаму, мы перемещаемся во времени: ищем не только дом, но и жестокое время Анны Франк. А дорогу туда не укажет ни один полицейский.

Встречаются и расходятся каналы, по набережным и мостам мчатся велосипедисты – жмут на педали, крутят землю в обратную сторону. Меняются времена года: на смену весне приходит зима, зиму сменяет осень. Снег, дождь, снег. Меняются лица: старики становятся молодыми. И вдруг барабанная дробь, грохот:

Фашистские солдаты

Вступают в Амстердам.

На шеях автоматы,

Трам-там-там!

И свастика паучья,

И проволока колючая,

И на стене приказ:

Комендантский час.

И я отчётливо понял, что нахожусь в тылу врага в незнакомом городе, занятом фашистами. Без документов, без оружия, без легенды – кто я и откуда. И ещё не один – с двумя парнишками, с Пьеро и Арлекином, которые знают о войне только по фильмам, и поэтому жизнь во вражеском тылу для них увлекательное приключение. Мне стало не по себе, а они с интересом смотрели по сторонам. Рассчитывали, что маски защитят их от всех превратностей судьбы? Они шли, стараясь не отставать от меня, «артисты драмкружка, освищенные школой». А для меня это был реальный мир моей юности. Никаких театральных условностей: война!

Сыпал мокрый снег – из серой бездны неба медленно опускались крупные хлопья, словно кто-то крошил курам белый хлеб: цып-цып-цып. Подлетая к зеленоватой воде каналов, снег у самой воды зеленел. Такой это был зелёный снег!

И вдруг откуда-то снова донесся сдавленный, уже знакомый голос:

Я слепну, как слепнет старуха.

В глазах от бессилья темно.

И слушает мир мое ухо

Мое слуховое окно.

Вокруг столько крыш, столько слуховых окон! Которое из них окно убежища, откуда был послан этот сигнал? Мосты, каналы, площади, велосипедисты – им снег не

помеха – мы спешим, выбиваемся из сил. Я забываю об опасности. Откуда только хватает сил! Ах, да я же молодой, время вернуло меня в юность, поэтому нет одышки.

Неожиданно рядом с нами вырос кирпичный дом, он кажется красным от накала, наверное, снежинки тают, касаясь его стен. И вдруг откуда-то сверху, непосредственно с неба, обрушивается удар колокола. Ещё удар – мы задираем головы – дом оказывается башней, Она устремляется ввысь, и верхние этажи пропадают в мутном месиве снега. И кажется, колокола звенят прямо в небе. И обрушиваются на землю.

– Так это же Восточная башня, – делаю я открытие, – значит, мы где-то близко. Вперёд!

Слева – канал. Справа – ряды узких домов, неизменно жмущихся один к другому. Черепичные крыши со слуховыми окнами. Старинные блоки с цепями: когда-то с их помощью разгружали суда.

И вдруг на снегу – сухой листок. Большой, разлапистый, с рёбрышками и прожилками. Это опавший листок каштана, похожий на оброненное перо жар-птицы. Сухой листок – тайный знак: каштан растёт во дворе Анниного дома – значит, здесь убежище Анны Франк!

Крадучись, подходим к крыльцу. Стараясь быть незамеченными, проскальзываем в дверь. Темный коридор упёрся в шкаф-тупик. Куда дальше? Сезам, откройся! Шкаф со скрипом поворачивается – это потайная дверь. Мы заходим. Шкаф-дверь закрывается. Перед нами крутая лестница – в Голландии все лестницы крутые: экономия места. Поднимаемся на этаж... ещё этаж. И вот убежище. Тяжело дыша, останавливаемся и замираем.

Чердак. Слуховое окно.

Бесцветного неба пятно.

А ночью звезда чуть заметная.

И снова неделя бесцветная.

Где Анна? Терпеливо ждём. Тихо. Слышно, как стучат сердца. Все трое думаем об одном:

Глухой чердак. Убежище. Тюрьма.

Здесь медленно сойдешь с ума.

Анна Франк появилась в луче лунного света. На ней был какой-то странный наряд: голубой хитон, перешитый из маминой нижней юбки. Сверху сборки. На груди бант. В таком хитоне танцуют балерины. Но у Анны на ногах вместо пуант обыкновенные спортивные туфли. Скрестив на груди руки, она зябко обнимает себя за плечи. Может быть, только что участвовала в каком-то странном спектакле и прямо со сцены шагнула сюда, в холодную чердачную каморку со скошенным потолком.

Анна не удивилась, увидев в убежище незнакомых гостей, а может быть, приняла нас за действующих лиц своего спектакля?

– Вы слышите весёлую музыку? – спросила она. – Это в соседнем доме играет радио. Идёт передача для счастливых. Вы не знаете, есть где-нибудь передачи для несчастных? Создается впечатление, что во всём мире живут одни счастливые... всюду музыка! Фашисты расстреливают людей под оркестр. Вы не знаете, под музыку умирать веселей?

Анна говорила не умолкая, видно, ей давно не приходилось видеть новых людей, хотелось выговориться. А в слуховом окне был виден клочок неба, побеленные морозом ветви огромного каштана и вдали, в кисее метели, как призрак выростала кирпичная башня с часами. Мы молчали.

– Люди могут понять и пережить чужое горе, если воспринимают его как своё. Я вам не кажусь старухой? Брюзгой?

Мы переглянулись. Пьеро хмурился, Арлекин бессмысленно улыбался. А какое выражение лица было у меня?

Нас выручила Снежинка, залетевшая в чердачное окно и ставшая участницей нашей мистерии.

Я – Снежинка.

Я – маленький атом.

Я ложусь на крыльцо

И на каски солдатам.

Где начало моё – там конец.

Я в окно залетаю, как глупый птенец.

Я к тебе залетела в окно слуховое,

Принесла с собой запахи воска и хвои.

И рождественской елки свеченье

Я тебе принесла в заточенье.

Я одна, но почувствуй

Нас много до жути.

Опускается снег на большом парашюте

И земли не коснувшись,

Всё кружится, кружится.

Я – Снежинка.

Я белое кружевце.

Снежинка недолговечна, как нечаянная радость. Она растаяла, исчезла, но, видимо, белая резная звёздочка сохранилась в сознании Анны.

От холодной звёздочки почему-то исходило тепло. И Анна снова закружилась в танце, а потом подплыла к Пьеро и спросила:

– Почему ты такой хмурый? Ты, наверно, еврей и боишься фашистов?

– И вовсе я не хмурый, – выдавил из себя Пьеро.

И тут взгляд Анны упал на Арлекина:

– Что ты улыбаешься? Ничего смешного нет.

– Да не улыбаюсь я! – запротестовал Арлекин, и я почувствовал, что ему очень хочется сорвать маску, но Анна схватила обоих за руки и втянула в свой танец.

Арлекин – теперь его штатная улыбка до ушей была как нельзя кстати воскликнул:

Ты собралась на бал?

Мы очень рады, Анна!

Ты слышишь, за стеной

Играет фортепьяно?

Сейчас зажгут огни,

И окна распахнутся.

Ты мне в глаза взгляни

Мои глаза смеются.

И Анна, поверив улыбке маски, ответила, танцуя:

Ах, музыка и смех воображенье дразнят.

Мне кажется, сейчас придёт весёлый

праздник!

Пьеро и Арлекин кружились в танце. Они не понимали, что этот танец был для Анны боем, который она давала безысходности заточения, а красота этого танца была красотой, спасающей мир.

Сколько раз в минуты отчаянья Анна разыгрывала в убежище спектакли, чтобы удержаться, не поддаться отчаянию. Выстоять! Это был её подпольный Театр, Театр для самой себя. Сейчас на сцене этого Театра появился ещё один персонаж – Праздник. Он, видимо, знал тайну убежища, поднялся на чердак, отворил дверь и предстал перед Анной в образе седого благообразного старичка в чёрном сюртуке, с котелком на голове. Острая бородка была вызывающе поднята, как бы прокладывая ему путь. В руках он держал хрупкую скрипочку и смычок.

Я – весёлый праздник Пурим.
Посидим, побалагурим.
На столе такая штука
Фаршированная шука.
Как ледок хрустит маца.
Ламца-дрица-аца-ца!
Я – старинный праздник Пурим,
Прохожу сквозь стены тюрем.
Я – частица мироздания.
Я – улыбка сострадания,
Я – дающий отдых слезам,
День, прожитый под наркозом.
Хейби, Анна, встретим Пурим,
И лукаво глаз прищурим.

Старичок артистично положил скрипку на плечо, взмахнул прутиком смычка, словно подстегнул невидимых лошадей, и заиграл. Он играл в полную силу, не боясь, что с улицы услышат фашистские патрули. Играл как в мирное время. Анна и два её кавалера – Пьеро и Арлекин – кружились в танце и, казалось, в самих масках произошли некоторые перемены: Арлекин улыбался шире, а Пьеро хмурился меньше. Вот какими они стали, «артисты драмкружка, освистанные школой».

А я отчётливо понял – в этот миг красота оказалась сильнее войны. Маленькая победа! Она вытеснила мрачные думы о том, что в любое мгновение сюда могут нагрянуть фашисты. Стрдание затихло, как затихает боль. Музыка заполняла чердак. Смычок взлетал и опускался, едва касаясь струн, словно они обжигали. Дети кружились в танце. Маски стали карнавальными масками...

И вдруг в такт мелодии послышались далёкие удары – шаги. Маленький праздник – островок мира среди большой войны – насторожился, стал затихать, сворачиваться. Исчезли улыбки. Только маска Арлекина продолжала механически улыбаться. Шаги приближались. Смычок в руке старичка повис в воздухе, танцующие остановились, не завершив па. Теперь шаги звучали как удары молота, как шаги каменного командора, спешившего наказать Дон Жуана. Но когда дверь от удара ноги распахнулась, вошёл не командор, а слово, материализовавшееся в краснорожего громилу с железным голосом. В мистерии и такое возможно. Слово – «фашист».

Я здесь. Я явился. Вот он.
Стучусь я в дверь и в окно.
Ферботен! Ферботен! Ферботен!
Значит за-пре-ще-но!

Ферботен – больным лечиться,
Здоровым – ходить в кино.
Еврейским детям учиться
Ферботен – запрещено!
Ферботен смотреть на небо
Людам низших сортов.
Вкус молока и хлеба
Не для еврейских ртов.
Добытое кровью, потом
Отнято, отменено.
Жить евреям ферботен,
За-пре-ще-но.

Он повернулся и, высоко поднимая ногу в блестящем сапоге, ушёл прочь, растворился во мраке. И долго ещё в воздухе дрожало эхо этого проклятого слова, принявшего образ человека. Человека ли?

Да, это был призрак, а призраки, как известно, не причиняют зла. Но праздник погиб. Музыка умолкла и не оживала. А старичок со скрипочкой развел руками – что я могу поделывать!

– Как хорошо мне жилось в вашей мистерии, – сказал он грустным голосом, – но теперь жизнь человека как снежинка: дохнут погорячей – и растает. Прощайте, люди!

Он повернулся и, сутулясь, пошел прочь. И когда он повернулся спиной, на его чёрном сюртуке мы увидели желтую шестиконечную звезду и слово «юде», что означает «еврей».

– «Боже, утоли печаль мою», – одними губами произнесла Анна, и её слова прозвучали как молитва. Это были слова из Библии. И вдруг, подумав совершенно о другом, она сказала: – У меня был товарищ, его в школе звали «Защитник лягушек». Он всем доказывал, что лягушки очень полезные, очень красивые существа, и защищал их. Как жаль, что защитники лягушек не могут защитить людей.

– Говорят, есть лягушки величиной с кошку, – невпопад сказал Арлекин, и остренькая на язык Анна, блеснув глазками, спросила:

– А величиной с человека бывают?

Лягушки отвлекли моих друзей от тяжёлых дум, и Анна, кажется, забылась. Но в это время на лестнице снова послышались шаги. На этот раз лёгкие, крадущиеся.

Анна вздрогнула:

– Слышите?

– Анна, если придут фашисты, мы задержим их, а ты спасайся. Ты можешь вылезти на крышу через слуховое окно... – предложил Арлекин.

А у Пьеро было на уме совсем другое:

– Анна, почему фашисты хотят тебя схватить? Ты взрывала мосты? Ты расклеивала по городу листовки? Ты стреляла в них?

Анна покачала головой.

– Что они от тебя хотят? – допытывается Пьеро. – Почему они всё время рядом с тобой, не отступаются от тебя даже ночью? Ты в чём-нибудь виновата перед ними? В чём твоя вина?

Анна как-то странно посмотрела на нас, в этот миг глаза её были большими и темными, словно она испытывала боль.

– Моя вина в том, что я еврейка, – одними губами произнесла она.

– Какая же это вина, если ты родилась такой? – спросил Пьеро.

– Ну и что, что еврейка, – заволновался Арлекин. – Какая разница? Я русский, Пьеро – армянин. Не всё ли равно?

– Фашистам не всё равно, – глаза Анны не отрывались от двери: шаги приближались. – Есть люди, которые считают, что если сосед несчастен, то сами они от этого будут счастливее. Если один народ несчастен, другой сразу заживёт лучше.

– Так надо объяснить им! – воскликнул Арлекин. – Они чего-то не понимают!

– Их не убедишь. Они возвышаются, унижая других. Но это им только кажется, что они возвышаются. Они падают в бездну и вслед им летят человеческие проклятья.

– Идём с нами отсюда! – решительно предложил Пьеро.

– Мы спасём тебя! – поддержал товарища Арлекин.

– Я не могу, – сказала Анна, – я уйду, а как же Петер?

– Петер? Кто это Петер? Он тоже скрывается в убежище? – сразу столько вопросов задал Анне Арлекин.

– Мы возьмём с собой Петера... если он хороший парень.

– А как же папа и мама, и сестра... и товарищи по беде... Нас так мало и так много. Разве вы можете всех спасти?

– Всех мы, наверное, не сможем, – согласился Пьеро.

– Я не могу оставить их. Это будет предательством.

Шаги приближались. И наконец замерли у самой двери.

Все в убежище затаили дыхание.

– Значит, нас выследили... фашистские ищейки, – тихо произнесла Анна... – Вылезайте в окно, на крышу. Спрячьтесь на чердаке соседнего дома. Скорее!

– Мы никуда не уйдём, – был ответ.

Я не понял, кто из моих спутников ответил Анне, но каждый из них мог так ответить. Дверь медленно отворилась.

Вместо фашистов на пороге стояла улыбающаяся девочка. Она обвела всех взглядом, а увидев смешную маску Арлекина, даже прыснула в кулак.

– У вас здесь маскарад? – спросила она. – Как забавно!

– Кто ты? – сухо спросила Анна.

– Ну вот! – девочка скривила рот. – Ты меня прекрасно знаешь и не узнаешь. Может быть, у тебя в целом свете нет подруги ближе меня.

– Анна, это действительно твоя подруга? И ты не узнаешь её? Смешно, – воскликнул Арлекин.

– Не вижу ничего смешного, – заговорил Пьеро. – Или у Анны что-то с памятью. Или это никакая не подруга.

– Я её никогда в жизни не видела, – растерянно сказала Анна.

Теперь все выжидающе смотрели на незнакомую девочку.

– Эх ты! – девочка с укором взглянула на Анну. – Я – Китти.

– Китти?!

Она подошла к гостье и положила ей руку на плечо.

– Я представляла тебя совсем другой. Но как ты узнала меня? Ведь прежней Анны нет. Перед тобой стоит совсем другая Анна. За это время я прожила целую жизнь. Повзрослела.

– Но мы же видимся с тобой каждый день, – воскликнула Китти.

– Да, да, я забыла. Я всё чаще думаю, что мне лучше умереть.

– Ты мне об этом ничего не говорила. А как же Петер? – спросила Китти.

– Петер, – прошептала Анна, и глаза её загорелись. Она вся преобразилась. – Петер... Наверное, надо сжаться и терпеть... перестрадать... дожидаться, когда кончится война. Шпетер, как говорят немцы. Шпетер... Потом.

Есть немецкое слово «шпетер»,

Что означает «позже».

Есть прекрасное имя Петер,

И нет ничего дороже.

И я говорю тебе, Петер:

– Шпетер, шпетер, шпетер.

Устали с тобой мы от этого слова.

Часы на стене, как шаги часового.

Луна за окном, как солдатская каска,

А в окнах зашторенных чёрная краска.

И я говорю тебе, Петер:

– Шпетер, шпетер, шпетер!

Когда же затихнут шаги часового

И время на нас заработает снова,

И каждому сердцу сердца отзовутся,

И губы в улыбке опять расплывутся.

Забудем с тобою мы, Петер,

Чужое, немецкое «шпетер».

Забудем немецкое «шпетер»

И ругань солдат «доннер веттер!».

– Анна! Но это неправда, – воскликнула Китти. – Я прекрасно знаю, что ты не хочешь ждать, ты просто не умеешь ждать. Никаких «шпетер». Я помню твои слова, – продолжала Китти и, как по написанному, произнесла: «Сегодня утром я заметила, что Петер смотрит на меня как-то по-другому».

– Да, да, по-другому. Я не смогла тебе объяснить, как по-другому. Чувствует ли он то, что чувствую я?

Мы все поняли, что этим странным, близким и одновременно незнакомым подругам надо поговорить о чём-то очень важном, своём. И мы отступили в тень. Но всё равно оказались свидетелями исповеди. Я заметил, какой интерес вызвала эта исповедь у Пьеро и Арлекина:

– «Каждое утро я выхожу дышать свежим воздухом на чердак. Остальные окна закрыты. Ставни не пропускают свет», – произнесла Китти так, словно читала эти слова.

И Анна подхватила начатое подругой:

– «Здесь занимается Петер. И виден кусок неба и голые ветки каштана. Мы сидели с Петером на кушетке. Он всё больше и больше притягивал меня к себе, пока моя голова не склонилась на его плечо...»

Анна умолкла, словно ей надо было перевести дыхание. Тогда её рассказ продолжила Китти – она читала мысли подруги:

– «В половине десятого я встала, подошла к окну, где мы всегда прощаемся. Я всё ещё дрожала, я была той, другой Анной».

– «Он подошёл ко мне, – Анна исповедовалась перед своей подругой. Он подошел ко мне, я обхватила его шею руками и поцеловала его в левую щеку. Но когда я хотела поцеловать его в правую...»

Анна замерла. Её лицо залилось краской. Она не могла говорить, но за неё её слова произнесла Китти:

– «Мои губы встретились с его губами. В смятении мы прижались губами ещё раз и еще, без конца...»

Я посмотрел на своих спутников и сделал странное открытие: маски на их лицах стали прозрачными, и я увидел два встревоженных мальчишеских лица. Брови подняты, рты полуоткрыты. Мальчики настороженно слушали разговор подруг, боясь пропустить слово. Это было не любопытство, а открытие чего-то нового, неизвестного. И я догадался, что их сердца бьются учащённо, что они забыли, в каком времени находятся, какую роль играют. Маски ожили.

И тут Анна неожиданно подошла к Пьеро и долго разглядывала его, словно под этой, печальной маской скрывался не чужой мальчик, а её Петер.

– Ты слышал легенду про французскую девушку Маргариту? Она очень любила одного юношу, но видаться с ним могла только когда цвёл миндаль, такое было поверье. Маргарита стала молиться, и её молитвы дошли до неба, миндаль начал цвести каждый месяц...

Анна вдруг сделала паузу и подошла к Арлекину. Может быть, он больше походил на Петера.

– Нет, ты представляешь: зима, кругом снег и вдруг – цветущее дерево миндаля. Все думают, что на ветках лежит снег, а это цветы!

Арлекин стоял не дыша, словно каждое слово относилось к нему, но Анна отошла от него и снова вернулась к Китти.

– А я бы молилась, чтобы миндаль цвёл каждый день, – горячо сказала она, – чтобы он не переставал цвести!

И тут в слуховом окне все увидели заснеженную ветку каштана, и всем показалось, что это зацвёл миндаль – зимой, белыми цветами.

И сразу стены убежища раздвинулись, крыша раскрылась, как переплёт книги, и космические миры резко приблизились к тёмной маленькой мансарде. А может быть, само убежище взлетело ввысь, и там внизу, у подножья Восточной башни, бессильно метались потерявшие всякий смысл фашисты?

Анна молча прошла по комнате и остановилась подле меня. В тусклом свете её глаза казались больше обычного, в них мерцал отблеск снега. И в этот момент лицо её показалось мне до странности знакомым. Я знал её раньше, только не помню, когда и где? А она стояла передо мной и, вероятно, тоже силилась вспомнить, кто я. И вспомнила! И в первый раз обратилась ко мне:

– Здравствуй! Как ты нашёл меня?

– Мне помог сухой лист каштана.

– Он похож на перо жар-птицы, оброненное на снег. Правда?

– Он и мне показался пером.

– Хорошо, что ты пришёл. Ко мне сюда редко приходят люди с воли. Хотя там, за стенами дома, тоже нет воли.

Я не знал, за кого она меня принимает, но разговаривала со мной Анна на равных, как будто я был её сверстником. И мы оба из одного общего детства.

– Может быть, воли здесь, в убежище, больше, чем там, – сказал я. Здесь мы свободно говорим, о чем хотим, а там...

– Я тоже так думаю. Только воля здесь тяжёлая. И у неё нет ни начала, ни конца.

– Придёт конец, ведь война кончится.

– А куда денутся фашисты? – резко спросила Анна. – Ты рассуждаешь, как ребёнок, а я... я уже взрослая.

Мы как бы поменялись местами. Но неужели она не видит моих морщин, седых волос, грузной фигуры. Или в полумраке я кажусь ей мальчишкой. Но почему разговор у нас получился такой не детский?

– Ты всё такой же, – прошептала она.

И в это мгновение я узнал её. Мне показалось, что передо мной стоит моя первая любовь. Я узнавал глаза, волосы, губы... Знакомые нотки звучали в её огрубевшем голосе. И странное, волнуящее чувство оживало, поднималось во мне. Я вспомнил свою первую любовь. Нет, нет, я никогда не забывал. Она никогда не умирала, была во мне, в тайниках моей души. И вот теперь, разбуженная чужой любовью, вышла из своего тайника.

В Театре полная смена декораций! Я вижу себя на берегу большой русской реки Мсты. Вокруг поля и перелески, и два холма, поросшие соснами. Вероятно, это старые курганы, насыпанные над братскими могилами богатырей. На одном холме одинокая сосна – ветви в стороны – напоминала крест.

Мы сидели под этой сосной так близко, что я чувствовал тепло её плеча, а когда она поворачивалась ко мне, то прядь её волос нежно касалась моей щеки. От волос пахло солнцем. У меня перехватывало дыхание, и я хотел подвинуться ещё ближе. Но ближе было некуда... «Я обнял её за шею руками и поцеловал в левую щеку. Но когда хотел поцеловать в правую... мои губы встретились с её губами. В смятении мы прижались губами ещё раз и ещё... без конца». Откуда Анна знает об этом?! Или первая любовь только кажется неповторимой, а на самом деле похожа одна на другую? Впрочем, тогда я не знал, как называется это чувство. Какое это имело значение! Это было моим открытием. Моей тайной. И я не догадывался, что эта тайна написана у меня на лице, угадывается в моём поведении, накладывает печать на все мои поступки. Как я молился тогда, чтобы миндаль цвёл каждый день! Но моя любовь уехала, ветка миндаля завяла и больше уже никогда не покрывалась цветами.

И вот теперь, рядом с Анной, мне показалось, что миндаль цветёт, где-то близко сверкает река Мста, зеленеет курган с сосной, похожей на крест, запах солнца – запах волос.

И тогда я повернулся и посмотрел в зеркало. Из мутного Зазеркалья на меня смотрел немолодой, усталый человек. Куда девался юный обладатель первой любви?! От него остались только глаза. Сейчас они насмешливо смотрели на меня. И я подумал: человек ни к кому не бывает таким жестоким, как к самому себе!

Я отвернулся от зеркала, чтоб не видеть этих насмешливых глаз. Анны уже не было рядом. Я увидел ее со спины. Она уходила. Трепетная и невесомая девочка шла по лунной дорожке. Ветер развеивал её фантастический хитон, снежинки оседали в волосах. Она шла навстречу своей любви, и не было в мире такой силы, которая бы смогла остановить её. Шла навстречу и одновременно прощалась.

Я говорю последнее «прости»

Фиалке, не успевшей расцвести.

Ведь я сама такая же фиалка.

Я будущего маленький побег,

Но нежный стебель засыплет снег,

И лепестков моих ему не жалко.

Я говорю любимому: «Прощай».

Хранить любовь свою мне обещаю.
Ведь первая любовь не умирает.
Прощай, весь мир, все божьи существа,
Прощайте, все любимые слова,
Моя свеча беззвучно догорает.

Установилась глубокая тишина. Мой Театр напряженно работал, и сквозь маски моих спутников, которые стали прозрачными как стекло, по-прежнему проступали черты удивлённых, не понимающих всё до конца, ребяческих лиц. Что ожидает Анну и её друга на крохотном островке любви, окружённом врагами?

Окажется ли любовь сильнее – спасёт ли красота мир?

Так думали мои друзья, так думал я.

Потом Арлекин нарушил молчание:

– У меня тоже была девочка... Мне тоже хотелось обнять её, но я не решался. Мысленно я так много говорил с ней, а когда встречался, не мог выдавить из себя ни слова... Как-то она сказала: «Поцелуй меня... Меня никто не целует...» И всё кончилось.

И снова тихо. Снова спектакль ушел внутрь.

– А у меня всё кончилось иначе, – признался Пьеро. – Моя девочка однажды сказала мне: «Почему ты меня не целуешь, ведь меня все целуют». Смешно, правда?

Но никто не засмеялся. Только маска Арлекина бессмысленно улыбалась.

Ничего-то они не поняли, мои мальчики, наверное, не пришло ещё время понять это. Китти же загадочно улыбалась.

И тут послышался шорох и в слуховое окно влетел бумажный Журавлик: театральное «ружьё» снова «выстрелило». Он совершил посадку у ног Китти:

– Я прилетел к тебе, Анна!

– Меня зовут Китти, – ответила девочка.

– Кто ты, Китти?

– Я подруга Анны Франк. Ты бумажный Журавлик, а я бумажная подруга. Но иногда человек доверяет бумаге больше, чем людям. Я знаю всё об Анне.

– Ты читала её дневник?

– Я и есть дневник Анны Франк – её бумажная подруга.

У основания Восточной башни, как у ноги великана, стоит девочка. Худенькая, вытянутая, в коротком платье. Ножки тонкие. Руки за спиной, и поэтому живот чуть-чуть выступает вперёд. Типичная детская поза! Большие глаза смотрят из глубины. Верхняя губка небрежно прищепнута к нижней. Когда на улице становится людно, кажется, что девочка смешивается с толпой и идёт вместе со всеми. Куда?

Когда же колокола на башне вызванивают мелодию Баха, девочка замирает и напряжённо слушает. Может быть, даже тихо подпевает. Ля-ля, ля-ля, ля-ля. Кто знает? В это мгновение она наполняется такой лёгкостью, что вот-вот оторвётся от земли. Плечи отведены назад, а лопатки проступают сквозь платье, как маленькие крылышки – в самый раз взлететь. Но в последнюю минуту девочка вспоминает, что она бронзовая и никакие крылья не оторвут её от земли. И снова замирает на своём вечном бесменном посту. Это Анна Франк сегодня

Публикуется по: Яковлев, Ю. Страсти по четырём девочкам
(<http://www.litmir.net/br/?b=72596>)